

## КЛАССИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080013354-6

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРСКИХ ИДЕЙ  
В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

© 2022

Ю.И. ДРОБЫШЕВ<sup>а 1</sup><sup>а</sup> – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

**Резюме:** В статье на материалах византийских исторических произведений XIII–XIV вв. получили дальнейшее развитие разработки автора в сфере имперской идеологии средневековых монголов. Особое геополитическое положение Византии, а также разногласия среди потомков Чингисхана обусловили своеобразие ее взаимоотношений с Монгольской империей, а позже – с государствами Джучидов и Хулагуидов, позволив ей сохранить независимость. Византийские историки описывали монголов с позиции внешних наблюдателей, вследствие чего их сообщения хотя и сравнительно скудны, однако важны для понимания целей монгольских завоевателей и их взглядов на мироустройство. Анализ сведений, предоставляемых Георгием Пахимером, Никифором Григорой и другими византийскими интеллектуалами, позволяет заключить, что во внешней политике монгольские лидеры проявляли известную гибкость и не демонстрировали претензий на мировое господство. Источники воспроизводят ряд касающихся монголов сюжетов, известных также из христианской историографии Южного Кавказа и Ближнего Востока, в частности, обыгрывается представление о вторгшихся в культурные земли кочевников как о «биче Божьем»; однако они все же далеки от эсхатологической трактовки монгольского нашествия и не истолковывают его в понятиях «всего мира». Мыслей о необходимости подчиниться этому неизбежному злу они не высказывают. Византийские авторы достаточно точно описывают цели монгольских завоевательных кампаний и дипломатическую деятельность монгольских лидеров. Образ Чингисхана в упомянутых источниках не несет в себе ничего мессианского или героического; более того, не всем авторам известно, кто именно был основателем Монгольской империи, и они приписывают руководство военными походами Чингисхана его потомкам. Таким образом, монгольская «имперскость» в византийских источниках прослеживается очень слабо, что, однако, не умаляет их ценность в деле реконструкции ментального климата Монгольской империи и ее исторических преемников.

**Ключевые слова:** монголы, имперская идеология, византийские источники, понятие «всего мира», Чингисхан.

**Для цитирования:** Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в византийских источниках. *Восток (Oriens)*. 2022. № 1. С. 46–56. DOI: 10.31857/S086919080013354-6

<sup>1</sup> Автор сердечно благодарит Р.М. Шукурова за помощь в ознакомлении с малодоступными трудами зарубежных византинистов и уточнении некоторых вопросов, принципиальных для тематики данной статьи.

REFLECTION OF MONGOLIAN IMPERIAL IDEAS  
IN THE BYZANTINE SOURCES

© 2022

Yuliy I. DROBYSHEV<sup>a</sup><sup>a</sup> – Institute of Oriental Studies, RAS; Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

**Abstract:** *The article uses materials of Byzantine historical works of the 13–14 centuries to further develop the author's work on the Imperial ideology of the medieval Mongols. The special geopolitical position of Byzantium, as well as controversies among descendants of Genghis Khan, have caused peculiarities of its relations with the Mongol Empire, and later with the states of Juchids and Khulaguids, and allowed it to remain independent. Analysis of information provided by George Pachymeres, Nicephorus Gregoras, and other Byzantine intellectuals suggests that the Mongol leaders demonstrated considerable flexibility in their foreign policy and did not show any claims to world domination. The sources reproduce stories concerning the Mongols, which are also known from the Christian historiography of the South Caucasus and the Middle East, they speak out the idea of nomads who invaded the cultural lands as a "scourge of God", but they are far from an eschatological interpretation of the Mongol invasion. They do not express thoughts about the need to submit to this inevitable evil. Byzantine authors describe quite accurately the goals of Mongol conquest campaigns and diplomatic activities of the Mongol leaders. The image of Genghis Khan drawn in the analyzed sources does not contain anything messianic or heroic; moreover, not all authors know who exactly was a founder of the Mongol Empire. Thus, the Mongol "imperialism" in the Byzantine sources is very poorly traced, which, however, does not detract from their value in reconstruction of the mental climate of the Mongol Empire and its successors.*

**Keywords:** Mongols, Imperial ideology, Byzantium sources, the concept of "the whole world", Genghis Khan.

**For citation:** Drobyshev Y.I. Reflection of Mongolian Imperial Ideas in the Byzantine Sources. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 46–56. DOI: 10.31857/S086919080013354-6

Византийская империя избежала участи других стран, подвергшихся в XIII в. монгольскому порабощению. Ее геополитическое положение позволило ей лавировать между враждующими друг с другом частями некогда единой Монгольской империи – Улусом Джучи и Ильханатом, заключая договоры, устанавливая с обоими брачные союзы и относительно успешно не допуская в отношении себя военную агрессию. Один из крупнейших отечественных специалистов по истории этого региона С.П. Карпов отметил: «Одним из определяющих факторов, обусловивших сохранение в Анатолии и на Кавказе прежнего политического строения, явилось соперничество между враждующими группами внутри самой монгольской элиты» [Карпов, 2007, с. 368], а Дж. Лэнгдон афористично подчеркнул «определенную синхронизацию византийской геополитики с монгольским империализмом» [Langdon, 1998, p. 100]. Монголы дошли до Малой Азии хотя и сильными, но уже на излете своего наступательного потенциала; тем не менее в случае согласованных действий потомков Чингисхана Византийская империя, вероятно, легко могла бы стать их жертвой. Впрочем, главными ее врагами в эпоху монгольских завоеваний были не монголы, а тюркские племена, наводнившие Малую Азию, а также сербы, болгары и латинский Запад,

прежде всего, в лице Карла I Анжуйского (король Сицилии в 1266–1282 гг.). Несмотря на то, что монголы, как правило, не представляли для Византии прямой угрозы<sup>2</sup>, они все-таки способствовали ее падению косвенно, занимая лучшие пастбища в Центральной Анатолии и постепенно вытесняя оттуда тюркское население дальше на запад, где оно неуклонно отторгало земли у слабеющей империи [Korobeinikov, 2014, p. 236].

Важнейшими византийскими источниками, охватывающими период монгольского присутствия в рассматриваемом регионе, являются сочинения Георгия Акрополита (1217–1282), Георгия Пахимера (1242 – ок. 1310), Никифора Григоры (ок. 1295 – ок. 1360) и Михаила Панарета (1320–1390). Вследствие наличия тюркского буфера на востоке и славянского – на западе, византийские историки оставались в позиции внешних наблюдателей, а сами источники отражают византийские взгляды на монголов извне и страдают фрагментарностью. Тем не менее им не откажешь и в известной объективности.

Исследовательская литература, освещающая взаимоотношения Византии с монголами, довольно обширна, но работы касаются в основном политических аспектов этих отношений и не затрагивают идеологические. Между тем византийские источники дополняют, хотя и незначительно, картину монгольской «мироустроительной» идеологии новыми штрихами и предоставляют уникальные материалы для сопоставительного анализа с другими источниками.

При всех колоссальных различиях, существовавших между Византийской и Монгольской империями, их роднило сходное понимание своего места и назначения в мире – идеология универсализма, согласно которой каждая из держав находилась в центре мироздания и была благословлена его Творцом на объединение всех народов под властью их правителей. Таким образом, все население земли мыслилось в качестве потенциальных подданных, а не желавшие покориться расценивались как отступники<sup>3</sup>. Однако методы воздействия на этих отступников были разными: византийские императоры, не имея к тому времени достаточной военной силы, больше полагались на дипломатию; монгольские ханы, гораздо более мощные и организованные в военном отношении, активно захватывали новые территории и безжалостно подавляли очаги сопротивления. Благодаря стечению обстоятельств столкновение двух империй не привело к неизбежному при таких идеологических предпосылках кровавому конфликту. Впрочем, первые контакты между ними установились в период отсутствия политического единства в самой Византии, распавшейся после взятия крестоносцами Константинополя в апреле 1204 г. на независимые Никейскую и Трапезундскую империи, а также Эпирский деспотат, в то время как центральные области находились под управлением Латинской империи<sup>4</sup>. Все эти государства были невелики по площади и в случае нападения монголов вряд ли смогли бы оказать эффективное сопротивление. Монголия как самостоятельный политический организм возникла в 1206 г. и сохраняла единство до 1260 г., т.е. практически до времени возвращения Константинополя в руки византийцев. Последние, услышав о появлении на Востоке новой грозной силы, сначала не избежали заблуждения, свойственного и Европе, оказавшейся в те же годы перед лицом монгольского нашествия: «До сих пор этот народ был неизвестен; многие говорили, что у

<sup>2</sup> Отсюда, однако, совсем не следует, что византийцы относились к монголам пренебрежительно. Достаточно вспомнить панику в Никее 23 февраля 1265 г., внезапно вспыхнувшую из-за слуха о нападении монголов на город [Georges Pachymèrès, 1984(1), p. 316–325]. Также нельзя упускать из виду замечание Пахимера о том, что «татары были известны римлянам, как народ непобедимый» [Georges Pachymèrès, 1984(1), p. 304–305].

<sup>3</sup> Литература по византийской идеологии огромна. Назовем лишь некоторые труды, непосредственно использованные в нашей работе: [Ostrogorsky, 1956; Nicol, 1993, p. 72–73, 2007; Angelov, 2007, p. 78–116].

<sup>4</sup> Это обстоятельство, впрочем, не мешало «империи в изгнании» – Никее – сохранять идеологию, унаследованную от метрополии.

них собачьи головы, и ходили слухи, что практикуют они недозволенные обычаи, так что их считали пожирателями людей» [*Georges Pachymères*, 1984(1), p. 186–187].

Дипломатические отношения ромеев с монголами начались после 1243 г., когда правитель Никейской империи Иоанн III Дука Ватац (1222–1254) послал (либо только обещал послать) вспомогательный отряд румскому султану Гийас ад-Дину Кей-Хосрову II (1236/1237–1246) накануне битвы с монголами при Кёсе-даге 26 июня 1243 г. Битва закончилась сокрушительным поражением сельджуков, вынужденных признать себя монгольскими вассалами; в это же время Гийас ад-Дин предложил Ватацу заключить союз против монголов. Никейский император принял предложение, хотя в реальности поостерегся поддерживать своего союзника, опасаясь навлечь на себя гнев монголов. После подчинения монголами Румского султаната сфера их влияния простиралась до самых границ Никейской империи. В 1252 г. к Ватацу явилось монгольское посольство, что, по-видимому, совершенно справедливо было воспринято как знак скорого нападения, однако императору удалось подкупить послов и отправить с ними в Каракорум своих дипломатов [*Гильом де Рубрук*, 1997, с. 163–164]<sup>5</sup>. Эту осторожную политику продолжили и его наследники.

Феодор Скутариот в своей «Хронике» рассказывает случай, якобы произошедший в марте 1256 г. с наследником Ватаца Феодором II Ласкарисом (1254–1258)<sup>6</sup>: «То, что случилось с императором, разбившим лагерь недалеко от Пиг, в местечке, которое называется Мамас, достойно того, чтобы [об этом] сообщить. Был первый день из [череды] дней; духовенство совершало утреннее богослужение, в конце которого обычно наиболее главные из военачальников приходят к императору. Итак, они вошли, сделали проскинисис (церемониальное prostiranie перед императором. – Ю.Д.) и остались стоять. И когда священник уже подготовился к чтению Евангелия, внутрь палатки влетела куропатка, преследуемая ястребом, и, пролетев мимо всех, села у ног императора, а преследующий ее ястреб опустился на верх палатки. Тогда император сказал: “Посмотрите на эту куропатку. Это султан персов (имеется в виду румский султан Изз ад-Дин Кай-Кавус II (1246–1260). – Ю.Д.), и он собирается бежать к нам; мы должны восстановить его в прежнем положении. Преследователь же ее, ястреб, это – татары. Поэтому отпустите куропатку, и пусть она летит в собственные владения, ястребу же я приказываю отрубить голову”. Так и произошло, его приказание было выполнено. После этого император отправился с большим войском в западные области [государства]» [*Георгий Акрополит*, 2013, с. 328]. Скорее всего, император не намеревался поддерживать султана, но эту помощь ему оказал в сражении у Султанхани 14 октября того же 1256 г. бежавший из Никей и возглавивший отряд греков Михаил Палеолог, будущий император (1259–1282 гг.). Однако и такой откровенно враждебный акт не подорвал дружественного отношения монголов к византийцам [Жаворонков, 1978; Lippard, 1984, p. 176–187; Langdon, 1998; Коробейников, 2005, 2011; Шукуров, 2012, с. 7–26].

Данником монголов Никейская империя не стала; миновала эту участь, не предусмотренную византийской политической теорией, и возрожденная Византийская империя. Несколько позже европейским территориям Византии серьезно угрожали отряды джучидского темника Ногай (1235?–1299), однако династический брак превратил этого могущественного врага в союзника. Монгольская конница еще неоднократно появлялась на Балканах в XIV в., а в 1340 г. хан Узбек (1313–1341) якобы даже намеревался вторгнуться

<sup>5</sup> По сведениям Рубрука, посланного к монголам королем Франции Людовиком IX (1226–1270), хаган Мункэ (1251–1259) действительно поставил перед своим братом Хулагу (1256–1265) задачу разбить не только багдадского халифа, но и Ватаца [*Гильом де Рубрук*, 1997, с. 162].

<sup>6</sup> О хитрости императора, велевшего провести в 1257 г. монгольских послов по самым неудобным горным дорогам и инсценировавшего военные приготовления, см.: [*Georges Pachymères*, 1984(1), p. 186–189; Андреева, 1926, с. 187–200]. Заметим, что и сами монголы, возможно, поступали аналогично, желая продемонстрировать послам необъятность своей страны [*Гильом де Рубрук*, 1997, с. 133].

в Византию [*Letters of Gregory Akindynos*, 1983, p. 57], но в итоге монгольская угроза не сыграла в истории империи решающей роли. Монголы были для византийцев чаще союзниками, чем противниками.

Несколько иначе сложились обстоятельства на Востоке. Император Трапезундской империи Мануил I (1238–1263) вскоре после битвы при Кёсе-даге, вероятно, уже в 1246 г., признал власть монголов, благодаря чему последние не покушались на его владения, а Великие Комнины избежали необходимости лично являться к монгольскому хагану в Каракорум [Успенский, 1997, с. 482; Шукуров, 2001, с. 163]<sup>7</sup>.

Являясь продуктом восточно-христианской культуры, византийская историография в своих подходах к освещению действий монголов имеет ряд общих черт с сирийской, армянской, грузинской и русской историографией. Например, Никифор Григора оправдывает набеги кочевников на культурные земли точно так же, как это делали христианские авторы в других странах, столкнувшихся с монгольским нашествием. Номады играют роль «бича Божьего»: «Как есть страшные небесные явления, обрушивающиеся на людей от Бога, – молнии, громы и проливные дожди; и земные – землетрясения и [разверзающиеся под ногами] трещины; и воздушные – ураганы и смерчи; так и они блудятся у Бога, – словно некие, так сказать, северные и гиперборейские страшилища, – чтобы посылать их вместо какого-либо иного бича, на кого и когда сочтет нужным Его промысел» [*Никифор Григора*, 2013, с. 28]. Вместе с тем в византийских интеллектуальных кругах едва ли циркулировала мысль о необходимости подчиниться Божественной воле и смиренно принять на себя удары этого бича<sup>8</sup>. Господний гнев византийцы видели отнюдь не в монголах, а – несколько ранее – в сельджуках, которых, по их мнению, заслуженно навлекли на себя сначала сирийцы и армяне за свои еретические взгляды, а после очередь дошла и до самих ромеев [Vryonis, 1971, p. 418; Сметанин, 1987, с. 221], ибо, по словам богослова Иосифа Вриенния (1350–1432), «не существует такого зла, которому мы не предаемся усердно в течение всей жизни» [Сметанин, 1990, с. 146].

Насколько можно предполагать на основе других источников, например персидских или армянских, монголы были совсем не прочь эксплуатировать уверенность своих противников и покоренных в том, что они выполняют Божественную миссию по наказанию неправедных народов. Однако в византийских сочинениях эта мысль не проскальзывает.

Византийские источники также не позволяют проследить никаких ассоциаций между выходом на историческую арену монголов и скорым наступлением конца света, как это обнаруживается в литературном наследии ряда других народов. Монголы были далеко не первыми сильными «варварами», появившимися у границ Византии, и, по всей видимости, не последними, но богохранимая империя пережила многих врагов – переживет и этих. Впрочем, уместно напомнить, что некоторые из византийских мыслителей связывали с приходом антихриста и концом света нашествие тюрков [Vryonis, 1971, p. 418], и в определенном смысле они оказались правы, поскольку именно тюркоязычные османы положили предел существованию Византии.

Понятно, что мысль о подчинении монголами «всей вселенной» тоже не имела шансов возникнуть в голове византийца, не познавшего монгольского рабства и не только

<sup>7</sup> Впрочем, как обосновывает Э. Брайер, сам Мануил I присутствовал в Каракоруме на церемонии интронизации хагана Гуюка в 1246 г. и попал на страницы исторического труда Ала ад-Дина Джувейни (1226–1283) под именем «султана Такавора» [Brayer, 1994].

<sup>8</sup> Эта идея, вполне православная по духу, судя по текстам русских летописей, бытовала на Руси в эпоху так называемого «монголо-татарского ига». В качестве еще одного примера, демонстрирующего различие в оценках монголов, можно указать на систематическое употребление русскими книжниками определений «безбожные» и «беззаконные» по отношению к монголам («татарам»), тогда как византийские источники, принадлежащие той же православной традиции, этими терминами не оперируют.

хорошо знакомого с избежавшим этой участи западным миром, но и придававшего ему первостепенное внешнеполитическое значение. Рассказы о монгольских военных походах у византийских историков достаточно конкретны и в географическом, и во временном отношении, но иногда ошибочны в именах полководцев. Так, Никифор Григора пишет: «Между тем, по смерти их правителя Чингисхана, два его сына, Халай (Χαλαού) и Телепуга (Τελεπουγας)<sup>9</sup>, разделяют между собою власть над войсками. И Халай, оставив к северу Каспийское море и реку Яксарт, которая, вырываясь из скифских гор, широкая и глубокая, несется чрез Согдиану и впадает в Каспийское море, спускаясь по Нижней Азии. Но речь об этом мы отложим на потом, ибо нас влечет повествование о Европе. Итак, другой из сыновей Чингисхана, Телепуга, положив границами своей власти на юге вершины Кавказа и воды Каспийского моря, шел чрез землю массагетов и савроматов, покоряет ее всю, а также все населенные народами земли по берегам Меотиды и Танаиса. Потом, перейдя за истоки Танаиса, он с силой устремился в земли европейских народов» [Никифор Григора, 2013, с. 30–31]. Собственно, это и все, что находит нужным сказать Григора о страшном разгроме монголами нескольких европейских стран в 1241–1242 гг. Вообще, византийские авторы крайне скупы на слова о походе монголов в Европу; при знакомстве с их сочинениями создается впечатление, что монголы считали ареной и пределом своей экспансии только Азию. В рассказе о военных кампаниях Хулагу Григора, не называя этого «вождя скифов» по имени и активно используя традиционную византийскую номенклатуру государств и народов, перечисляет покорившиеся ему Согдиану, Бактриану, Индию, Арахосию, Карманию, Месопотамию, Великую Армению, Колхиду и Иверию, а также земли халдеев, арабов, вавилонян, ассирийцев, персов, парфян, мидян [Никифор Григора, 2013, с. 33]. И далее посвящает своих читателей в тайные желания победоносного Чингисиды: «Он собирався в последующие годы проникнуть уже и в самую средину Азии и пределами своей власти положить морские пески, где вода встречается с сушей, ибо ему казалось несносным, чтобы хотя один какой народ из тех, что населяют весь материк Азии вплоть до морей, оставался не смирившимся под его руку» [Никифор Григора, 2013, с. 33–34]. Наконец, Григора считал, что «пределами своих набегов и опустошений» монголы положили «на севере реку Термодонт (совр. река Терме на севере Турции. – Ю.Д.), а на юге – Киликию и отроги Тавра, – величайшей в Азии горы, – разделяющиеся вскоре после своего начала на многие части» [Никифор Григора, 2013, с. 65]. Однако какие цели преследовали монголы, утвердившие свою власть в Восточном Причерноморье, византийские историки не сообщают. Во всяком случае, о каких-либо претензиях кочевников на всю Европу, а тем более на «всю икумену», сведений нет.

Вследствие сравнительно быстрого распада Монгольской империи, что на Ближнем Востоке выразилось во вспыхнувшей вражде между Джучидами и Хулагуидами, понятие о единстве монгольского мира в Византии едва ли успело сложиться. Византийские историки порой даже использовали разные названия для монголов Улуса Джучи и Ильханата: первых чаще называли скифами, последних – персами [Shukurov, 2016, p. 54]. Варьирование имен наблюдается и у разных авторов. Следуя византийскому обычаю называть новые народы старыми именами, Георгий Акрополит и Георгий Пахимер именуют монголов тахарами (тохарцами), а Никифор Григора – скифами. Эта архаизация этнонимов происходила, конечно, не из непонимания византийцами, какие народы их окружают, а из традиционного

<sup>9</sup> Оба названных монгольских полководца не были сыновьями Чингисхана. Первый – Хулагу, основатель правившей в Иране и Закавказье династии, приходился ему внуком, второй – Тула-Буга, хан Улуса Джучи в 1287–1291 гг., был потомком Чингисхана в четвертом поколении. Завоевания Хулагу показаны у Григоры относительно верно (за исключением Индии), но то, что он приписывает Тула-Буге, было совершено задолго до него монгольскими армиями под общим руководством Бату (правитель Улуса Джучи в 1227–1255 гг.).

подхода к их описанию, основанного еще на аристотелевской классификации: каждый новый народ, в зависимости от его места обитания и образа жизни, попадал в определенную группу и получал ее имя [Shukurov, 2016, p. 26–44]. По мнению американского византиста Э. Калделлиса, отсутствие у византийцев этнографического интереса к соседним народам объясняется их пониманием истории как взаимодействия между Богом и ими самими; в этой системе взаимоотношений «варвары» были не более чем инструментом [Kaldellis, 2013, p. 78]. Впрочем, это не значит, что византийцы игнорировали новые этнонимы; имя «монголы» было им знакомо: «Этот Ногай был среди татар могущественным человеком; мудрый стратег и искусный в делах, он с очень большими силами, состоящими из расы татар, которых эти люди называют монголами (Μωγουόλοι), был послан вождами своего народа, которые находились на Каспии и назывались ханами; он напал на населенные пункты, которые располагались к северу от Эвксина...» [Georges Pachymères, 1984(2), p. 444–445].

Пахимер, как и Григора, говорит о Чингисхане в нейтральных тонах и верно объясняет его титул, чем и исчерпывается информированность названных авторов о жизни и делах этого правителя. По-видимому, византийские интеллектуалы, несмотря на высокую активность имперской дипломатии, не имели определенного представления об основателе монгольского государства и событиях в Центральной Азии рубежа XII–XIII вв., которые привели к возникновению этой гигантской державы.

В противоположность христианским авторам, описывавшим деяния монголов в Закавказье и на Ближнем Востоке, Пахимер находит немало хвалебных слов для монголов в целом, однако демонстрирует явное презрение к некоторым из их предводителей. Беклярибек Ногай, контролировавший земли от Дуная до Днестра и фактически не подчинявшийся ханам Улуса Джучи, показан в труде Пахимера как дикарь, ничего не смыслящий в драгоценных одеждах и головных уборах, которые ему посылал его тесть – император Михаил VIII Палеолог. Пахимер доводит до гротеска анти-имперское поведение Ногая: калиптру – знак императорского достоинства – тот якобы оценивает с грубым прагматизмом, рвет царские облачения, предпочитая им одежду пастухов [Georges Pachymères, 1984(2), p. 446–449]. Б. Липпард полагает, что Ногай таким способом забавлялся над византийским посольством [Lippard, 1984, p. 203], однако источники не характеризуют его как любителя розыгрышей.

Никифор Григора называет Ногая просто «скифом», не прибавляя к его имени никаких титулов и званий [Никифор Григора, 2013, с. 120]. По существу, Ногай бросил вызов монгольской имперской идее, отказавшись занимать положенное ему место и претендуя на полную независимость. Будучи Чингисидом, он, однако, был рожден от наложницы, вследствие чего имел статус недостаточно высокий, чтобы претендовать на власть во всем улусе. Но византийские историки не имели никаких оснований отстаивать незыблемость чужой идеологии – они следовали собственной традиции, что еще ярче проявилось в словах Пахимера об основателе Ильханата Хулагу. Пахимер наделяет его званием «архонта тохарцев», т.е. локального правителя, стоявшего во властной иерархии однозначно ниже византийского императора [Georges Pachymères, 1984(1), p. 184–185]. Однако в рассказе о византийском посольстве к ильхану Газану (1295–1304) в 1302 г. Пахимер не забывает о его ханском титуле [Georges Pachymères, 1999, p. 440–441], а о смерти Газана он пишет: «Надежда всех людей умерла вместе с ним, и опасности возросли повсюду...» [Georges Pachymères, 1999, p. 502–503]; и это несмотря на то, что Газан принял ислам, и годы его правления омрачились гонениями на христиан в Ильханате. Скорее всего, такая эволюция во взглядах на этого Хулагуида произошла благодаря катастрофическому положению дел в империи ромеев в 1302 г., когда он и стал последней надеждой для Андроника II Палеолога (1282–1328) [Nicol, 1993, p. 127].

Представления о субординации между державами, сложившиеся при дворах византийских императоров и ильханов, рассматриваются в статье Д.А. Коробейникова. Анализируя текст знаменитого историка на монгольской службе Рашид ад-Дина (1247–1318), автор обратил внимание, что в нем и ильхан Газан, и византийский император наделены одинаковым титулом «падишах», на основании чего он выдвинул предположение о представлении Хулагуидов о Византии как о равном по рангу государстве. В свою очередь, для Византии Ильханат мог считаться преемником великих древнеиранских государств, а его властелин – обладателем достоинства, равного царскому [Коробейников, 1999, с. 457–459]. Не случайно Пахимер славит скончавшегося Газана как заслуженного наследника Дария и Александра [*Georges Pachymères*, 1999, p. 502–503]. Сами монголы почитали византийского императора как наследника Александра [Lippard, 1984, p. 220]. Это делало возможным равноправный диалог между державами.

Налаживанию взаимопонимания между Византией и монгольскими правителями способствовали брачные союзы [*Georges Pachymères*, 1984(1), p. 242–243; Weller, 2016; Ramos, 2017], при заключении которых византийские императоры поступали подобно императорам китайским: те и другие выдавали за предводителей усилившихся «варваров» своих незаконнорожденных дочерей либо даже девушек не императорской крови, но никогда не брали себе или своим сыновьям в жены «варварских» невест, чтобы в родственной иерархии не оказаться в приниженном положении. Эту «технологию», суть которой заключалась в игре на амбициях монголов, желавших занять законное место правопреемников великих монархов Ближнего Востока и Ирана, наглядно представил византийский император Иоанн VI Кантакузин (1347–1354): «Понимая, что они не могли нанести варварам поражение в битве, императоры ромеев избежали разгрома, умиротворяя их подарками и любезностью. Они (монголы. – Ю.Д.) были особенно сговорчивы и дружелюбны по отношению к ромеям, получая невест из императорской семьи, и, таким образом, думали, что через связь с императором ромеев они станут преемниками Александра Македонского и императора Персии. Поэтому девушек исключительной красоты, не только аристократок, но и низкого происхождения, воспитывали в императорском дворце как принцесс и, когда возникала необходимость, выдавали за монгольских сатрапов» [Lippard, 1984, p. 219].

Относительная слабость Ильханата, его неспособность справиться с египетскими мамлюками, внутренние смуты, вражда с Джучидами и Чагатаидами, по-видимому, насущно требовали идеологического подтверждения легитимности власти потомков Хулагу, оказавшихся в чуждой им экологической и культурной среде; одним из способов достижения этой цели и были их браки с византийскими деспинами. Интересно отметить, что их противники Джучиды, которые не порвали со своей исконной средой обитания – степью, в вопросах легитимации опирались на древние степные традиции. После захвата Руси им не было нужды претендовать на роль великих князей киевских. Курьезно, но титул «царь», ранее, до падения Константинополя, прилагавшийся на Руси к византийскому императору, был после покорения русских княжеств монголами перенесен на персону ордынского хана самими же русскими без явного идеологического вмешательства монголов. Очевидно, военная сила была здесь достаточным аргументом легитимации.

Таким образом, на основании анализа византийских источников можно заключить, что монгольская «имперскость» в них практически не прослеживается. Возможно, это в значительной мере объясняется внешнеполитическим положением Византии. Она находилась в окружении сильных держав, которые оказывали на нее гораздо большее и притом непосредственное влияние, чем Монгольская империя или государства, образовавшиеся в результате ее распада. Наличие мощного союзника в лице Египта или противника, такого как латинская Европа, по-видимому, не благоприятствовало восприятию монголов в качестве некоей

«вселенской» силы, способной претендовать на власть над всеми землями и народами. Со своей стороны, судя по отсутствию критики на страницах византийских сочинений, монгольские посольства не выдвигали императорам каких-либо требований, которые могли бы показаться последним чрезмерными и оскорбительными, идущими вразрез с византийской идеологией. Нет никаких намеков на ультимативные письма ильханов, ханов Улуса Джучи, а тем более Ногай или монгольских военачальников (Чормагана, Байджу, Эльджигидая и др.), где выдвигались бы приказы безоговорочного подчинения. Было бы странно думать, что византийские историки располагали такими сведениями, но предпочли по тем или иным мотивам не увековечивать их в своих сочинениях, хотя, учитывая специфику византийской идеологии, такой вариант тоже нельзя исключать. Так, Р.М. Шукуров предположил, что Михаил Панарет ни разу не упомянул монголов именно потому, что зависимость от них понтийских Комнинов представлялась ему слишком одиозной [Шукуров, 2001, с. 163]. Византийские источники демонстрируют гибкость владык Ильханата и Улуса Джучи в вопросах внешней политики на западных рубежах Монгольской империи – по сути дела, отказ от идеологии универсализма и «забвение» решений всемонгольского курултая 1235 г. о покорении всех стран. В них нет рассказов о божественной санкции Чингисхану на власть, отсутствует информация о планах монголов покорить весь мир. В образе Чингисхана нет ничего мессианского и даже просто необычного; у Пахимера военные кампании монголов возглавляет вообще не Чингисхан, и не он их инициатор. Это неведение византийских историков напоминает крайне слабую информированность о монгольском завоевателе русских книжников, что, впрочем, легко объясняется тем, что сам Чингисхан не участвовал в походах на Русь и Малую Азию. Соответственно, героями исторических сочинений становятся Хулагу, Ногай или Бату. Тем не менее исследователи имеют в своем распоряжении материалы, позволяющие, с одной стороны, делать обоснованные выводы о византийском взгляде на монголов, а с другой – реконструировать как монгольскую политику в Малой Азии и на Балканах, так и стоявшие за ней имперские мотивы.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андреева М.А. Прием татарских послов при Никейском дворе. *Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова*. Прага: «Seminarium Kondakowianum», 1926. С. 187–200 [Andreeva M.A. Reception of Tatar Ambassadors at the Court of Nicaea. *Collection of Articles Dedicated to the Memory of N.P. Kondakov*. Prague: «Seminarium Kondakowianum», 1926. Pp. 187–200 (in Russian)].

Георгий Акрополит. *История*. Пер. П.И. Жаворонкова. СПб.: Алетея, 2013 [George Akropolites. *History*. Transl. by P.I. Zhavoronkov. St. Petersburg: Aletheia, 2013 (in Russian)].

Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. *Путешествия в восточные страны*. Под ред. И.А. Невзоровой. М.: Мысль, 1997 [Guillaume de Rubruk. Journey to the Eastern Countries. *Journeys to the Eastern Countries*. Ed. I.A. Nevzorova. Moscow: Mysl, 1997 (in Russian)].

Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток (Взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50-е годы XIII в.). *Византийский временник*. 1978. Т. 39. С. 93–101 [Zhavoronkov P.I. The Nicaea Empire and the East (Relations with the Iconic Sultanate, the Tatar-Mongols, and Cilician Armenia in the 40–50s of the 13<sup>th</sup> century). *Vizantiyskiy Vremennik* (= *Byzantine Annals*). 1978. Vol. 39. Pp. 93–101 (in Russian)].

Карпов С.П. *История Трапезундской империи*. СПб.: Алетея, 2007 [Karpov S.P. *History of the Trebizond Empire*. St. Petersburg: Aletheia, 2007 (in Russian)].

Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов в XIII – начале XIV в.: система внешней политики империи. *Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики*. Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб.: Алетея, 1999. С. 428–473 [Korobeynikov D.A. Byzantium and the State

of the Ilkhans in the 13<sup>th</sup> – early 14<sup>th</sup> century: System of Foreign Policy of the Empire. *Byzantium between East and West. Experience of Historical Characteristics*. Ed. G.G. Litavrin. St. Petersburg: Aletheia, 1999. Pp. 428–473 (in Russian)].

Коробейников Д.А. Михаил VIII Палеолог в Румском султанате. Часть I: 1256 год. *Византийский временник*. 2005. Т. 64. С. 77–98 [Korobeynikov D.A. Mikhail VIII Paleologue in the Rum Sultanate. Part I: 1256. *Vizantiyskiy Vremennik* (= *Byzantine Annals*). 2005. Vol. 64. Pp. 77–98 (in Russian)].

Коробейников Д.А. Михаил VIII Палеолог в Румском султанате. Часть II. *Византийские очерки: Труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византинистов*. М.; СПб.: Алетея, 2011. С. 116–138 [Korobeynikov D.A. Mikhail VIII Paleologue in the Rum Sultanate. Part II. *Byzantine Essays: Works of Russian Scientists for the XXII International Congress of Byzantinists*. Moscow; St. Petersburg: Aletheia, 2011. Pp. 116–138 (in Russian)].

Никифор Григора. *История ромеев*. Т. I. Пер. Р.В. Яшунского. СПб.: Свое издательство, 2013 [Nicephorus Gregoras. *History of the Romeis*. Vol. I. Transl. by R.V. Yashunsky. St. Petersburg: Own Publishing House, 2013 (in Russian)].

Сметанин В.А. *Византийское общество XIII–XV вв. (по данным эпистолографии)*. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987 [Smetanin V.A. *Byzantine Society of the 13<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> Centuries (According to Epistolography)*. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural University, 1987 (in Russian)].

Сметанин В.А. Восприятие общественных проблем ортодоксально-православным мыслителем (Иосиф Вриенний). *Античная древность и средние века*. Вып. 25. Свердловск, 1990. С. 136–150 [Smetanin V.A. Perception of Social Problems by Orthodox Thinker (Joseph Vriennius). *Ancient Antiquity and the Middle Ages*. Issue 25. Sverdlovsk, 1990. Pp. 136–150 (in Russian)].

Успенский Ф.И. *История Византийской империи XI–XV вв.* М.: Мысль, 1997 [Uspensky F.I. *History of the Byzantine Empire of the 11<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> Centuries*. Moscow: Mysl, 1997 (in Russian)].

Шукуров Р.М. *Великие Комнины и Восток (1204–1461)*. СПб.: Алетея, 2001 [Shukurov R.M. *Great Comnenos and the East (1204–1461)*. St. Petersburg: Aletheia, 2001 (in Russian)].

Шукуров Р.М. Султан ‘Изз ал-Дин Кайкавус в Византии (1262–1264/1265 гг.). *Византийский временник*. 2012. Т. 71. С. 7–26 [Shukurov R.M. Sultan ‘Izz al-Din Kaykavus in Byzantium (1262–1264/1265). *Vizantiyskiy Vremennik* (= *Byzantium Annals*). 2012. Vol. 71. Pp. 7–26 (in Russian)].

Angelov D. *Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Bryer A. The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246. *Res Orientales*. 1994. Vol. 6 (Itinéraires d’Orient. Hommages a Cl. Cahen). Pp. 257–261.

*Georges Pachymérès Relations historiques*. Vol. I. Livres I–III. Éd., introd. et notes par A. Failler. Trad. française par V. Laurent. Paris: Les Belles Lettres, 1984(1).

*Georges Pachymérès Relations historiques*. Vol. II. Livres IV–VI. Éd., introd. et notes par A. Failler. Trad. française par V. Laurent. Paris: Les Belles Lettres, 1984(2).

*Georges Pachymérès Relations historiques*. Vol. IV. Livres X–XIII. Éd., trad. française et notes par A. Failler. Paris: Institut Français D’Études Byzantines, 1999.

Kaldellis A. *Ethnography after Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Empire and After*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013.

Korobeinikov D. *Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Langdon J.S. Byzantium’s Initial Encounter with the Chinggisids: An Introduction to the Byzantino-Mongolica. *Viator*. 1998. Vol. 29. Pp. 95–140.

Letters of Gregory Akindynos. Greek text and English translation by Angela Constantinides Hero. *Dumbarton Oaks Texts VII*. Washington D.C., 1983.

Lippard B.G. *The Mongols and Byzantium, 1243–1341*. PhD Thesis. Indiana University, 1984.

Nicol D.M. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Nicol D.M. Byzantine Political Thought. *The Cambridge History of Medieval Political Thought*. Ed. J.H. Burns. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 51–79.

Ostrogorsky G. The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order. *The Slavonic and East European Review*. 1956. Vol. 35. No. 84. Pp. 1–14.

Ramos M.I.K. Maria Paleologina and the Il-Khanate of Persia. A Byzantine Princess in an Empire between Islam and Christendom. *Imago Temporis. Medium Aevum*. 2017. Vol. 11. Pp. 217–231.

Shukurov R. *The Byzantine Turks, 1204–1461*. Leiden: Brill, 2016.

Vryonis Sp. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Berkeley: University of California Press, 1971.

Weller A. Marrying the Mongol Khans: Byzantine Imperial Women and the Diplomacy of Religious Conversion in the 13<sup>th</sup> and 14<sup>th</sup> Centuries. *Scandinavian Journal of Byzantine and Modern Greek Studies*. 2016. No. 2. Pp. 177–200.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.